

INSTITUTE OF SLAVIC STUDIES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**“CHILDREN
OF DIFFERENT NATIONS”:
BETWEEN MULTIPLE IDENTITIES
AND THE NATIONAL PANTHEONS**

**International Round-Table Discussion
Abstracts**

14 April
2022

ZOOM PLATFORM
2022

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

«ДЕТИ РАЗНЫХ НАРОДОВ»:
МЕЖДУ
МНОЖЕСТВЕННЫМИ ИДЕНТИЧНОСТЯМИ
И НАЦИОНАЛЬНЫМИ ПАНТЕОНАМИ

Международный «круглый стол»
Тезисы докладов

14 апреля
2022

ПЛАТФОРМА ZOOM
2022

УДК 929
ББК 66.5(44)
Д38

Редакторы-составители:

О.В. Хаванова, Д.Ю. Ващенко

Д38 **«Дети разных народов»: Между множественными идентичностями и национальными пантеонами.** Тезисы международного «круглого стола». 14 апреля 2022 г. / Ред.-сост. О.В. Хаванова, Д.Ю. Ващенко. — М.: Институт славяноведения РАН, 2022. — 38 с.

ISBN 978-5-7576-0464-0

DOI 10.31168/0464-0

Множественные идентичности — одна из характеристик индивида в обществах раннего Нового и Нового времени в Центральной Европе. Люди рождались и социализировались в этнически смешанной среде, где их окружали представители разных этнических групп, говорившие на разных языках. Позже, в эпоху национализма, выдающиеся фигуры смешанного происхождения с множественной идентичностью были «присвоенны» или «приватизированы» зарождавшимися национальными движениями. Нередким явлением стала конкуренция за одних и тех же деятелей прошлого между национальными пантеонами. В рамках «круглого стола» обсуждались биографии знаменитых или менее известных личностей с несколькими этническими идентичностями, аффилиациями и языковыми компетенциями, впоследствии включенных в один или несколько национальных пантеонов как национальные герои или выдающиеся представители той или иной нации.

Multiple identities are one of the characteristics of individuals in both Early Modern and Modern societies in Central Europe. People were born and socialised in ethnically mixed milieus, where they were surrounded by representatives of other ethnic groups. Later, in the age of nationalism, prominent figures of mixed origin with multiple identities were “acquired”, or “privatised” by emerging national movements and incorporated into national pantheons, which often competed with one other for the same figures. This round-table discussion draws attention to prominent or lesser-known historical figures who possessed more than one ethnic identity, affiliation, or language proficiency, and who were later included in one or more national pantheons as a national hero, or as an outstanding representative of a particular nation.

УДК 929
ББК 66.5(44)

ISBN 978-5-7576-0464-0
DOI 10.31168/0464-0

© Коллектив авторов, текст, 2022
© Институт славяноведения РАН, 2022

TABLE OF CONTENTS

THE PHENOMENON OF THE CROATIAN ARISTOCRACY

Sándor BENE

- “Family Resemblance”. The Zrínyi Brothers:
Formation of Parallel National Identities in the Middle
of the Seventeenth Century 9

Ivana HORBEC

- Croatian-Slavonian *Bani*:
‘National’ Heroes, Hungarian Aristocrats and King’s Servants 13

GERMANS OF THE KINGDOM OF HUNGARY

Andrea SEIDLER

- The German Community of Multi-Ethnic Pressburg
in the Second Half of the Eighteenth Century 19

Jonathan SINGERTON

- A Citizen of the World within a National Pantheon?
The First Habsburg Historian of the American Revolution 23

BETWEEN OBLIVION AND REMEMBRANCE

Olga KHAVANOVA

- Nationality — Courtier: The Forgotten Hungarian Diplomat
Count Nicolaus Esterházy 29

Ivana ĆIRIĆ

- Nikola Tesla — from a European Emigrant to an American Inventor:
Contributions of the Serb from Lika to the Development of Civilization
Recorded by Journalist’s pen 33

СОДЕРЖАНИЕ

ФЕНОМЕН ХОРВАТСКОЙ АРИСТОКРАТИИ

Шандор БЕНЕ

«Семейное сходство»: Братья Зрини и формирование
параллельных национальных идентичностей в середине XVII в. 11

Ивана ХОРБЕЦ

Хорватско-славонские баны:
«национальные» герои, венгерские аристократы и слуги короля 15

НЕМЦЫ ВЕНГЕРСКОГО КОРОЛЕВСТВА

Андреа ЗАЙДЛЕР

Немецкая община полиэтничного Пресбурга
во второй половине XVIII в. 21

Джонатан СИНДЖЕРТОН

Гражданин мира в национальном пантеоне?
Первый габсбургский историк Американской революции 25

МЕЖДУ ЗАБВЕНИЕМ И ПАМЯТЬЮ

Ольга ХАВАНОВА

Национальность — придворный:
забытый венгерский дипломат граф Николаус Эстерхази 31

Ивана ЧИРИЧ

Никола Тесла — от европейского эмигранта
до американского изобретателя: вклад серба из Лики
в мировую цивилизацию в зеркале прессы 35

**THE PHENOMENON
OF THE CROATIAN ARISTOCRACY**

**ФЕНОМЕН
ХОРВАТСКОЙ АРИСТОКРАТИИ**

Sándor BENE

*Institute of Literary Studies of the Research Centre
for the Humanities (Budapest)*

Faculty of Philosophy of the Zagreb University (Zagreb)

‘FAMILY RESEMBLANCE’. THE ZRÍNYI BROTHERS: FORMATION OF PARALLEL NATIONAL IDENTITIES IN THE MIDDLE OF THE SEVENTEENTH CENTURY

Miklós Zrínyi (1620–1664) and Péter Zrínyi (1621–1671) succeeded each other as Bans of Croatia (one of the highest positions of honour in the Kingdom of Hungary in the early modern era). At the same time, they are also considered as the representatives of a peculiar chapter in the history of European Baroque literature. Both authors wrote a heroic epic about the history of the siege of Szigetvár in 1566, and the tragic death of their great-grandfather, Miklós Zrínyi. These Hungarian and Croatian epic poems, together with a number of other religious and love poems were published a few years apart: *Adriai tengernek Syrenai* [The Siren of the Adriatic Sea] (Vienna, 1651), and *Adrianszkoga mora Sirena* (Venice, 1660).

Miklós and Péter Zrínyi, the two poet-politicians of historic significance became important figures in nineteenth century identity discourses in both Croatia and Hungary. From then on, their stories went their separate ways, each becoming part of their respective Romantic and positivist national literary canons, enjoying favourable reception in both countries. Modern literary historians, however, consider rectifying this mistake made by their predecessors an important task. They aim to point out the complexity of the leanings of the two brothers: namely how, in spite of their national, linguistic, and cultural sentiments, their loyalties lay with the political and military elite of the Kingdom of Hungary and the Habsburg Empire.

The aim of this paper is to correct the excesses of this revision. Nations are of course imagined communities, as are those of Croatia and Hungary. It is, however, worth examining how and when and for what purposes they were imagined and constructed. Miklós and Péter Zrínyi’s

original agendas were dualistic in nature. From a political standpoint they were based on the reforms of the Hungarian estates of the realm (acknowledging the equal rights of the Croats), but morally they were justified by the war against the Ottomans. The presentation focuses on two areas where these visions manifested and where the changes in the visions can be documented: the different versions of the genealogy of the family and the linguistic and ideological differences between the two epic poems. Their originally common agendas diverged over time. Péter Zrinyi abandoned his first attempt at translating the epic (which would have closely followed the Hungarian version in many respects), and instead his finished version reflects his new linguistic-poetic agenda, which aimed at the unification and standardization of Croatian dialects. After the death of his brother, he replaced the legends of Northern descent (propagated by his brother), with those of Illyria. Both revisions served the same aim. Instead of reforming the Hungarian political system, they aimed at establishing an imagined Illyrian community, which shows how these seventeenth century Baroque literary genealogies and epic poems can be seen as precursors to nineteenth century national ideologies. ■

Шандор БЕНЕ

Институт истории литературы

Центра гуманитарных исследований (Будапешт) /

Философский факультет Загребского университета (Загреб)

«СЕМЕЙНОЕ СХОДСТВО». БРАТЬЯ ЗРИНИ: ФОРМИРОВАНИЕ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В СЕРЕДИНЕ XVII в.

Миклош Зрини (1620–1664) и Петер Зрини (1621–1671) сменили друг друга на посту бана Хорватии — одной из высших почетных должностей в Венгерском королевстве в раннее Новое время. В то же время, они считаются представителями особой страницы в истории европейской барочной литературы. Оба автора написали героические эпосы об истории осады крепости Сигетвар в 1566 г. и трагической гибели своего прадеда Миклоша Зрини. Эти венгерская и хорватская эпические поэмы вместе с другой религиозной и любовной лирикой были изданы почти одновременно: «Сирена Адриатического моря» (Вена, 1651), «Сирена Адриатического моря» (Венеция, 1660).

Миклош и Петер Зрини, два значительных политика и поэта, в XIX в. стали важными фигурами дискурса об идентичности как в Хорватии, так и в Венгрии. С этого момента их история развивалась по-разному, став частью соответствующих романтического и позитивистского национальных литературных канонов, получивших признание в обеих странах. Современные историки литературы, однако, считают исправление этой ошибки, сделанной их предшественниками, своей важной задачей. Они прилагают усилия, чтобы показать сложность связей обоих братьев, т. е. как, несмотря на их национальные, языковые и культурные предпочтения, их лояльность была на стороне политической и военной элиты Венгерского королевства и Габсбургской монархии.

В докладе предлагается корректировка перегибов подобной ревизии. Нации, конечно, являются воображаемыми сообществами, это справедливо для венгров и хорватов. Но не менее важно

понимать, как, когда и для каких целей они были воображены и сконструированы. Изначальная повестка Миклоша и Петера Зрини была дуалистичной по природе. С политической точки зрения, она основывалась на программе реформирования сословий Венгерского королевства (признании за хорватами равных прав), но морально она оправдывалась войной против сил османов. В докладе внимание сфокусировано на двух областях, где проявлялась эта повестка и где сдвиги в ее понимании документально подтверждены: разные видения генеалогии семьи и лингвистические и идеологические различия между двумя эпическими поэмами. Изначально общая повестка со временем изменилась. Петер Зрини отказался от идеи перевести эпос (что во многом повторяло бы венгерскую версию), и окончательный вариант уже отражал его новую лингво-поэтическую повестку, нацеленную на унификацию и стандартизацию хорватских диалектов. После смерти Миклоша Зрини он заменил легенды о северном происхождении (которых придерживался брат) на иллирскую версию. Обе ревизии служили одной цели. Вместо реформирования венгерской политической системы они были нацелены на внедрение воображаемой иллирской, которая показывает, как литературные генеалогии эпохи барокко и эпические поэмы могут стать предшественниками национальных идеологий XIX в. ■

Ivana HORBEC

Croatian Institute of History (Zagreb)

CROATIAN-SLAVONIAN BAN: 'NATIONAL' HEROES, HUNGARIAN ARISTOCRATS AND KING'S SERVANTS

Throughout the early modern period, the office of the Ban (viceroi, governor) of the Croatian-Slavonian Kingdom within the Hungarian part of the Habsburg Monarchy laid the foundations of Habsburg rule in these parts. The office was mainly occupied by members of the most prominent magnate families in the Lands of St. Stephen, and was responsible for the defence of the eastern borders of the Monarchy from the Ottoman Empire, as well as for Habsburg administration in Croatia-Slavonia. In Croatian historiography dealing with the early modern period, viceroys were often recognized as national heroes and key figures in the survival of the Croatian state, both against the Ottomans and within the multinational Habsburg Monarchy. However, if we look at the activity of individual viceroys more closely, we could state that most of the viceroys had, from today's perspective, multiple identities: not only did their activities depend on royal authority, but they also often originated from prominent Hungarian families, and they were politically and economically more attached to their Hungarian estates than to their Croatian-Slavonian possessions or offices.

By addressing the political activities of Croatian-Slavonian viceroys in the seventeenth and eighteenth centuries, as well as their social ties and political goals, this paper aims to question notable judgements in earlier Croatian historiography about their role in early modern Croatian history. This period has been chosen in order to highlight both the military significance of viceroy's office during the Ottoman wars, as well as the changed role of viceroys as the king's representative in Croatian-Slavonian administration during the reforms of enlightened absolutism.

On the one hand, the emphasis is laid on Ban Petar Zrinski (Péter Zrínyi), one of the leaders of the seventeenth-century magnate conspiracy in Hungary and Croatia-Slavonia. In Croatian historiography, family

Zrinski/Zrínyi was regarded as one of the most important keystones in defending the eastern borders of the Monarchy against the Ottomans, but also — due to Zrinski’s participation in the conspiracy — as a victim and a martyr in an attempt to preserve Croatian-Slavonian “independence” within the Monarchy. However, it has often been forgotten that Zrinski’s role in the resistance against royal rule cannot be observed in isolation from his affiliation to Hungarian magnates. On the other hand, the role of several viceroys in the second part of the 18th century will be examined, for example Karlo (Károly) Batthyány, Franjo (Ferenc) Nádasdy, Franjo (Ferenc) Balassa, and Ivan (János) Erdődy. The activity of these viceroys will be analysed within the context of early modern state-making processes and the coexistence of these processes with traditional political and social structures in the Croatian-Slavonian Kingdom. The Viceroys’ multiple identities, referring to their service as Croatian-Slavonian Ban, will also be questioned, especially in the context of the subsequent Hungarian-Croatian political disputes starting in the 1790s. The research is based on documents and correspondence kept in Austrian, Hungarian, and Croatian State Archives, as well as on several contemporary political tractates, other writings, and published sources. ■

Ивана ХОРБЕЦ

Хорватский институт истории (Загреб)

Хорватско-славонские баны: «национальные» герои, венгерские аристократы и слуги короля

В раннее Новое время должность бана (наместника, правителя) Королевства Хорватии и Славонии в венгерской части Габсбургской монархии была основой власти династии в этой части монархии. Этот пост занимали члены самых знатных магнатских родов во Владениях короны св. Стефана, в их обязанности входила оборона восточных рубежей монархии от Османской империи, а также управление Хорватией и Славонией. В хорватской историографии, изучающей раннее Новое время, баны часто представлялись как национальные герои и ключевые фигуры в сохранении хорватской государственности, как против османов, так и в рамках многонациональной Габсбургской монархии. Однако если более пристально рассмотреть деятельность отдельных банов, обнаруживается, что большинство из них обладали, с современной точки зрения, множественными идентичностями: они не только в административных вопросах зависели от воли короля, но сами происходили из знатных венгерских родов и политически и экономически были теснее связаны с поместьями в Венгрии, чем с владениями или должностями в Хорватии и Славонии.

Доклад посвящен политической деятельности хорватско-славонских банов в XVII–XVIII вв., их социальным связям и политическим целям и ставит целью переоценить известные суждения старой хорватской историографии об их роли в истории Хорватии в раннее Новое время. Выбранные хронологические рамки позволяют показать военное значение должности бана в период войн с османами и изменение функции бана в качестве представителя короля в местной администрации в период реформ просвещенного абсолютизма.

С одной стороны, в центре моего внимания бан Петар Зринский (Петер Зрини), один из вождей магнатского заговора в Хорватии и Славонии XVII в. В хорватской историографии род Зринских/Зрини считался оплотом в защите восточных рубежей монархии от османов, но также — в силу участия Зринского в заговоре — жертвой и мучеником за сохранение хорватско-славонской «независимости» в монархии. При этом часто забывают, что роль Зринского в сопротивлении королевской власти нельзя рассматривать отдельно от связи с венгерскими магнатами. С другой стороны, в докладе освещается деятельность банов второй половины XVIII в., таких как Карло (Карой) Баттяни, Франьо (Ференц) Надашди, Франьо (Ференц) Балашша и Иван (Янош) Эрдеди, в контексте процессов строительства современного государства и их сосуществования с традиционными политическими и социальными структурами в Королевстве Хорватии и Славонии. Наконец, в докладе анализируются множественные идентичности банов в сфере их служебных обязанностей, особенно в контексте венгерско-хорватских противоречий в 1790-е годы. В основе исследования — документы и корреспонденция из государственных архивов Австрии, Венгрии и Хорватии. ■

**GERMANS
OF THE KINGDOM OF HUNGARY**

**НЕМЦЫ
ВЕНГЕРСКОГО КОРОЛЕВСТВА**

Andrea SEIDLER

University of Vienna (Vienna)

THE GERMAN COMMUNITY OF MULTI-ETHNIC PRESSBURG IN THE SECOND HALF OF THE EIGHTEENTH CENTURY

Pressburg, as the early-modern capital of the Hungarian Kingdom, was a polyglot, multi-ethnic city in the eighteenth century, with German, Hungarian, and Slovakian populations, to name the most significant ethnic groups. I focus in this work on the city's ethnic German population, whose origins were diverse. They moved here from the German-speaking part of the Habsburg Monarchy, but also from the geographical area of Zips, then Upper Hungary, where people from German lands had settled in previous centuries. They were granted certain privileges by the court in order to make the move to the often-barren area of the Carpathians seem more attractive.

In the second half of the eighteenth century, Pressburg also became the intellectual centre of the Kingdom of Hungary. There seem to be several reasons for this. First of all, the schooling in Pressburg was of great significance. The Evangelical Lyceum, which had already been founded by David Kilger in 1606 as a Lutheran grammar school, was an educational institution attended by several — later leading — intellectuals of the city and the entire kingdom. Mathias Bel (Bél Mátyás, Mathias Belius, 1684–1749), as headmaster of the school (1719), played a leading role in modernising and shaping a curriculum that drew on German Enlightenment school models. This includes, for example, the written media of the time — he himself founded a Latin-language newspaper, the *Nova Posoniensia* (1721), in the early 1720s, whose aim was, among other things, to educate pupils in reading. This school was also attended by Karl Gottlieb Windisch (1725–1793), who was to play a significant role in the intellectual life of the city, especially in the second half of the century.

Another reason for the cultural upswing of the town was the renovation of the palace by Empress/Queen Maria Theresa. This was com-

pounded by the subsequent arrival of Archduchess Marie Christina and Albert of Saxe-Teschen, her husband, who had been appointed governor in Hungary (1765–1780).

Some years before this, the above-mentioned Karl Gottlieb Windisch had begun to take an interest in the new media. He wrote his first articles in journals such as the *Olmützer Zeitung* and endeavoured to found a learned society in the city, a plan that was to be realised. In 1764, together with the printer and publisher Landerer, he founded the first newspaper in the Kingdom of Hungary, the *Preßburger Zeitung*, which existed until 1929. It was a twice-weekly paper that for the first time also provided news in German from the entire Kingdom of Hungary (this was rather rare in the *Wienerisches Diarium*). Three journals were to round off his concept; they were intended as supplements to the *Preßburger Zeitung* and are partly reminiscent of the *Moralische Wochenschriften*; journals compiled mainly of contributions from foreign magazines. Finally, in 1781, Windisch, who at that time had already gathered around him a considerable network of scholars from all parts of the country, but also from the Pressburg region, founded his most important medium, the *Ungrisches Magazin*. In it, he brought together contributions from numerous fields of knowledge, above all from the humanities, which he received from scholars from predominantly German-speaking areas of the kingdom. I would like to present an overview of this network, which consisted primarily of Hungari, in the course of this event. ■

Андреа ЗАЙДЛЕР

Венский университет (Вена)

Немецкая община полиэтничного Пресбурга во второй половине XVIII в.

Пресбург¹ как столица Венгерского королевства раннего Нового времени, в XVIII в. был мультиэтничным «городом-полиглотом», в нем, если говорить об основных группах населения, проживали немцы, венгры и словаки. В докладе я сосредоточусь на этнических немцах, которые также различались по происхождению. Они переселились сюда из немецкоязычных областей Габсбургской монархии, но также из географической области Ципс², в так называемой Верхней Венгрии, выходцы из германских территорий селились в предшествующие века. Венский двор даровал им особые привилегии, чтобы повысить привлекательность переезда в отдаленные районы Карпат.

Во второй половине XVIII в. Пресбург также стал интеллектуальной столицей Венгерского королевства. У этого было несколько причин. Прежде всего, система образования в Пресбурге. В Евангелическом лицее, основанном в 1606 г. Давидом Килгером как лютеранская начальная школа, учились многие, впоследствии ведущие, интеллектуалы города и всего королевства. Матиас Бел (Матяш Бел, Матиас Белиус, 1684–1749), будучи директором школы (1719), сыграл решающую роль в модернизации учебных программ и создании учебного плана, ориентированного на модели германского Просвещения. Ученики, например, читали современную прессу: сам Бел в 1721 г. основал газету *Nova Posoniensia* («Новый Пресбург»), которая была нацелена на привитие ученикам навыка чтения. В этой школе учился, например, Карл Готтлиб Виндиш (1725–1793), который впоследствии играл видную роль в интеллектуальной жизни города во второй половине XVIII в.

¹ Пресбург (нем.) — ныне Братислава в Словакии, в венгерской традиции Пожонь.

² Ципс — ныне Спиш в Словакии, в венгерской традиции Сепешшег.

Другой причиной культурного расцвета города, как мне представляется, была реконструкция королевского дворца императрицы-королевы Марии Терезии и последующее прибытие правящей четы, эрцгерцогини Марии Кристины и Альберта Саксен-Тешенского, ее супруга, назначенного палатином Венгерского королевства (1765–1780).

За несколько лет до этого события К.Г. Виндиш уже начал интересоваться новыми средствами массовой информации. Свои первые статьи он опубликовал в журналах, подобных *Olmützer Zeitung* («Оломоуцкая газета»), и высказывал намерение основать ученое общество, что и было сделано. В 1764 г. вместе с типографом и издателем Ладерером он основал газету для Венгерского королевства *Preßburger Zeitung* («Пресбургская газета»), которая просуществовала до 1929 г. Она выходила два раза в неделю и сообщала новости на немецком языке из всех уголков Венгрии (в *Wienerisches Diarium* («Венский дневник») информация о королевстве встречалась редко). В развитие этой идеи Виндиш также начал издавать три журнала: они задумывались как приложения к *Preßburger Zeitung* и отчасти походили на моральные еженедельники (*Moralische Wochenschriften*), отчасти на компилятивные журналы, перепечатававшие статьи из зарубежной прессы. Наконец, в 1781 г. Виндиш, которому удалось создать вокруг себя представительную сеть ученых и из разных уголков страны, и из столичного Пресбурга, создал свой самый важный печатный орган — *Ungrisches Magazin* («Венгерский журнал»). На его страницах он публиковал сообщения из разных отраслей знания, прежде всего по гуманитарным наукам, поступающие от ученых преимущественно из немецкоязычных областей королевства. В докладе я представлю обзор этой сети, который состояла, прежде всего из *Hungari* (немадьярских подданных венгерского короля). ■

Jonathan SINGERTON

University of Innsbruck (Innsbruck)

A CITIZEN OF THE WORLD WITHIN A NATIONAL PANTHEON? THE FIRST HABSBURG HISTORIAN OF THE AMERICAN REVOLUTION

Between approximately 1778 and 1784, an academic at the Royal Academy at Košice penned a series of historical works which collectively told the entire history of North America from the Columbian discovery to the conclusion of the recent War of American Independence. The author, a professor of universal history at the academy, relied upon first-hand sources obtained from the American representative in Paris, Benjamin Franklin. Written in German and Latin, these works collectively mark one of the first central European chronicles of the American Revolution and were, until recently, thought to have been lost. Whereas his other works dealt with the history of warfare in general, the author's motivation for writing three separate books about the American Revolution on the fringes of the Habsburg Monarchy rested upon his deep-seated inspiration the revolutionary ideals espoused across the Atlantic. "This is what moves me most," he wrote to the delegates of the American congress in Philadelphia, "that I pass on your young origin, your tireless work for freedom." Although not the only Habsburg subject to consider the historical implications of the American cause, these works however remain some of the most valuable contemporary commentaries on the War of American Independence¹.

When remembered, these historical works of Johann Baptiste Zinner have often been incorporated into national histories regarding the reception of the American influence in central and eastern Europe. Zinner's biography, in part, lends itself to such utilisation since the Bohemian-born, Viennese-educated, and Hungarian-based professor typifies

¹ For further examples in the works by Wilhelm Taube, Gian Rinaldo Carli, and Jacques Accarias de Sérionne see: *Singerton J. The American Revolution and the Habsburg Monarchy*. Charlottesville; London, 2021. P. 24–28.

a life lived among various nationalities and affiliations. His additional professional service among academic communities in Budapest and Vienna as well as his longstanding aspiration to join the Bavarian Academy of Sciences and Humanities marks him out as a transient figure able to move within and beyond national boundaries. Zinner's importance as the first Habsburg historian of the American revolutionary struggle, however, has made him a target for national acquisition in the same way other central European figures who existed between multiple allegiances and traversed present-day national boundaries have done so². In Zinner's case, his longstanding career within eighteenth-century Hungarian institutions as earned him a Hungarian identity.

Yet as this paper will demonstrate, Zinner's own affiliations and identity is not so clearly definable. Instead, his semi-biographic and historical writings reveal a man who represented more than one national identity and whose oeuvre belongs to more than one national pantheon. In elucidating his historical works and his legacy, the paper also considers the overlapping allegiances of Zinner himself. It argues that rather than seeing himself as one particular nationality, Zinner professed a deep late-enlightenment adherence towards a global community, which, in his view, had come into existence through the actions of the American revolutionaries. His world was expansive and borderless, yet his memory has become truncated and curtailed. The first Habsburg historian of the American Revolution was as much a citizen of the world as he was a member of multiple national pantheons and identities. ■

² A cogent parallel can be found in the example of Maurice Benyovszky, see: *Drummond A. The intriguing life and ignominious death of Maurice Benyovszky*. London; New York, 2017.

Джонатан СИНДЖЕРТОН

Инсбрукский университет (Инсбрук)

Гражданин мира в национальном пантеоне? Первый габсбургской историк Американской революции

Примерно с 1778 по 1784 г. профессор королевской академии в Кашше¹ написал ряд исторических трудов, посвященных истории Северной Америки от Колумба до окончания Войны за независимость США. Автор, преподававший в академии всеобщую историю, опирался на первоисточники, полученные от американского эmissара в Париже. Им был не кто иной, как Бенджамин Франклин (1706–1790). Труды, написанные на немецком и латинском языках, стали одной из первых в Центральной Европе хроник Американской революции и до недавнего времени считались утерянными. Если другие работы автора посвящены военной истории, то причины, побудившие написать три книги об Американской революции, находясь на периферии Габсбургской монархии, коренились в его искреннем восторге революционными идеалами, восторжествовавшими по другую сторону Атлантики. «Более всего меня трогает, — писал он делегатам Американского конгресса в Филадельфии, что я рассказываю о вашей молодости, о вашей неустанной работе во имя свободы». Он не был единственным в Габсбургской монархии, кто взялся анализировать исторические последствия американских событий, но его труды остаются самыми ценными современными комментариями о Войне за независимость США².

В прошлом, когда заходила речь об исторических работах Иоганна Баптиста Циннера, они часто включались в национальные истории, касавшиеся восприятия американского влияния в Центральной и

¹ Кашша — ныне Кошице в Словакии, в немецкой традиции Кашау.

² О работах Вильгельма Таубе, Джана Ринальдо Карли и Жака Аккариаса де Серонна см.: *Singerton J. The American Revolution and the Habsburg Monarchy. Charlottesville; London, 2021. P. 24–28.*

Восточной Европе. Биография Циннера прекрасно подходит для таких целей: родился в Чехии, учился в Вене, преподавал в Венгрии. Его жизнь прошла среди разных национальностей и аффилиаций. Его профессиональные связи в академических сообществах Буды и Вены, а также давнее стремление стать членом Баварской академии наук и искусств выделяют его как переходную фигуру, способную перемещаться в пределах и поверх национальных границ. Однако важность Циннера как первого габсбургского историка революционной борьбы американцев превратила его в объект для национальных притязаний точно так же, как это случилось с другими центральноевропейскими деятелями, которые существовали между несколькими приверженностями и пересекали современные государственные границы³. В случае Циннера его длительная карьера в венгерских институциях XVIII в. способствовала формированию у него венгерской идентичности.

В то же время, как показано в докладе, предпочтительные аффилиации и самоидентификация Циннера не столь просты и однозначны. Из его полуавтобиографических и исторических сочинений вырисовывается персонаж, который был носителем более, чем одной национальной идентичности и чье наследие входит в более, чем один национальный пантеон. Анализ исторического наследия Циннера неотделим от прояснения пересекающихся лояльностей автора. В докладе показано, что Циннер не причислял себя к какой-то одной определенной национальности и проповедовал глубокую характерную для позднего Просвещения приверженность к глобальной общности, которая, по его мнению, возникла в результате действий американских революционеров. Мир Циннера был широким и безграничным, но память об ученом сохранилась в неполном, усеченном виде. Первый историк Американской революции был гражданином в той же мере, в какой разделял несколько идентичностей и вошел в ряд национальных пантеонов. ■

³ Убедительную параллель можно провести с Морицем Бенёвским (1746–1786), см.: *Drummond A. The intriguing life and ignominious death of Maurice Benyovszky. London; New York, 2017.*

**BETWEEN
OBLIVION AND REMEBRANCE**

**МЕЖДУ
ЗАБВЕНИЕМ И ПАМЯТЬЮ**

NATIONALITY — COURTIER: THE FORGOTTEN HUNGARIAN DIPLOMAT COUNT NICOLAUS ESTERHÁZY

Count Nicolaus Esterházy (1711–1764) was one of the first Hungarian aristocrats to succeed as a diplomat in the Habsburg Monarchy, and an unjustly forgotten figure in Hungarian and Austrian history. For twenty years, he represented the House of Austria at short- and long-term embassies in The Hague, London, Lisbon, Warsaw and Dresden, Madrid, and St. Petersburg. Much of the family archive perished in that century. The complete coincidence of the name with that of Prince Nicolaus Esterházy, patron of Josef Haydn, led to the identification of the two namesakes and their complete confusion. There are no biographical studies about him, apart from chapters in the genealogical surveys. The paper reflects on what identities Count Nicolaus Esterházy might have had and what the reasons are for his complete oblivion in historiography and collective memory.

The Hungarian aristocracy in the mid-eighteenth century has traditionally been regarded in historiography as “domesticated” by the Viennese Court, devoid of national feeling and language. Nikolaus’ father was fluent in spoken and written Hungarian. His son, however, although most likely knew Hungarian, communicated in German and French. Thanks to his father’s position at court, he was promoted to the rank of chamberlain at the age of 19 and was then sent with his brother to the knight academy in Luneville. After six months of studying, he made a long voyage through Europe, visiting Rotterdam and London, Paris, Florence, Rome, and Naples. The launch of his diplomatic career came in March 1741, when Maria Theresa, who at that time held the titles of Queen of Hungary and Bohemia, gave birth to the long-awaited prince — the heir to the House of Austria, the future Joseph II. Young, capable chamberlains from Prince Francis’s inner circle were chosen for the extraordinary embassies that were to bring this news to the allied courts.

Nicolaus Esterházy did not miss this chance, turning it into destiny. After spending 20 years at the foreign courts of Europe, Esterházy remained above all a member of the Viennese court milieu, into which he sought to return after quitting diplomacy. His cosmopolitanism (national indifference) was mentioned by many contemporaries.

Did Esterházy have a Hungarian identity? In a political sense, undoubtedly yes. Not only did he belong to the Hungarian magnate class by right of birth, but also by virtue of his position as custodian of the Holy Hungarian Crown, and after his diplomatic career was over, by virtue of his honorary positions as lord lieutenant of Sáros County and Captain of the Hungarian Noble Guard. Esterházy's entourage in Madrid and St. Petersburg included the Hungarian-Croatian count Joseph Keglevics, but there is no information about their language of communication. Historians are not aware of a single line of Hungarian written in Esterházy's hand, only of German and French.

The memory of his diplomatic successes and failures quickly faded after his death. In the Austrian pantheon of prominent statesmen, he was but one of many court aristocrats, and for inclusion in the Hungarian pantheon he did not possess a distinctly Hungarian character. His name is much better known in Russian historiography: the outstanding positivist historian Sergei Soloviev in his classical multi-volume *History of Russia* described in detail one of Esterházy's diplomatic triumphs — the overthrow in 1758 by cunning intrigue of the powerful chancellor Alexei Bestuzhev-Riumin. In this sense, Esterházy is a part of Russian history, at least as long as historians return to the larger historical narratives of the nineteenth century. ■

Национальность — придворный: забытый дипломат граф Николаус Эстерхази вне пантеонов

Граф Николаус Эстерхази (1711–1764) — один из первых венгерских аристократов, преуспевших на дипломатической службе в монархии Габсбургов, и несправедливо забытая фигура венгерской и австрийской истории. Двадцать лет он представлял Австрийский дом в краткосрочных и долгосрочных посольствах в Гааге, Лондоне, Лиссабоне, Варшаве и Дрездене, Мадриде, и Санкт-Петербурге. Значительная часть семейного архива погибла в войнах и революциях XX в. Полное совпадение имени с князем Николаусом Эстерхази, патроном Й. Гайдна, привело к отождествлению двух тезок и полной путанице. О нем не было создано биографических исследований, не считая глав в генеалогических в хрониках. В докладе высказываются предположения, какими идентичностями мог обладать граф Николаус Эстерхази и в чем причина его полного забвения в историографии и коллективной памяти.

Венгерская аристократия середины XVIII в. традиционно считалась в историографии «прирученной» венским двором, лишенной национального чувства и языка. Отец Николауса свободно владел устным и письменным венгерским. Но сын его, скорее всего, тоже знал венгерский, хотя языками его общения были в равной мере немецкий и французский. В 19 лет благодаря положению отца при дворе он получил чин камергера, затем вместе с братом был отправлен в рыцарскую академию в Люневилль. Проучившись полгода, он совершил многомесячное путешествие по Европе, побывал в Роттердаме и Лондоне, Париже, Флоренции, Риме и Неаполе. Повод к началу дипломатической карьеры представился в марте 1741 г., когда у венгеро-богемской королевы Марии Терезии родился принц — наследник владений Австрийского дома, будущий Иосиф II. Для чрезвычайных посольств отобрали молодых

способных камергеров из ближнего круга герцога Франца. Этот шанс Николаус Эстерхази не упустил, превратив в судьбу. Проведя 20 лет при дворах Европы, добившись подписания нескольких важных для Вены международных договоров, Эстерхази оставался, прежде всего, представителем венской придворной среды, в которую стремился вернуться с почетом и уважением за достижения на дипломатическом поприще. О его космополитизме (национальной индифферентности) не раз писали современники.

Обладал ли Эстерхази венгерской идентичностью? В сословно-государственном смысле, несомненно. Он принадлежал к венгерскому магнатскому сословию не только по праву рождения, но и в силу должности хранителя святой венгерской короны, а после завершения дипломатической карьеры — почетных должностей главы комитата Шарош и капитана венгерской дворянской лейб-гвардии. В свите Эстерхази в Мадриде и Петербурге находился венгерско-хорватский граф Й. Кеглевич, но нет сведений о языке их общения. Историкам также неизвестно ни одной строчки на венгерском языке, написанной рукой Эстерхази, только по-немецки и по-французски.

Память о его дипломатических успехах и неудачах быстро стерлась после его смерти. Для австрийского пантеона выдающихся государственных деятелей он был всего лишь один многих придворных аристократов, для включения в венгерский пантеон — не обладал ярко выраженной венгерскостью. Его имя гораздо лучше известно в российской историографии: великий историк-позитивист С.М. Соловьев в классической многотомной «Истории России» подробно описал один из дипломатических триумфов Эстерхази — свержение в 1758 г. в результате хитроумной интриги все сильного канцлера А.П. Бестужева-Рюмина. В этом смысле Эстерхази — часть российской истории, по крайней мере, до тех пор, пока историки возвращаются к большим историческим нарративам XIX в. ■

**NIKOLA TESLA — FROM A EUROPEAN EMIGRANT
TO AN AMERICAN INVENTOR:
CONTRIBUTIONS OF THE SERB FROM LIKA
TO THE DEVELOPMENT OF CIVILIZATION
RECORDED BY JOURNALIST'S PEN**

In the first part of the paper, the author looks back at the Serbian origin and youth of the famous scientist from Smiljan. She discusses his schooling in Karlovac, Graz, Prague, the first jobs in Budapest, with an emphasis on discovering the principle of creating a rotating magnetic field with alternating currents, and then jobs in Paris and Strasbourg, until he went to the promised land — the USA. The main part of the paper deals with the golden period of Nikola Tesla's life and work. From his acquaintance and business with the industrialist Westinghouse, through triumphs at the World's Fair in Chicago, Niagara, research on Long Island and Wardencliff. Tesla's acquaintances with celebrities and life in High Society are interwoven through this segment of work. The famous lectures given by Tesla were also pointed out, as well as the awards and recognitions he received. The analysis of Tesla's contribution and his professional ups and downs, along with the historical narrative, the author presents through texts from the print media of that time, pointing out that the print media as well as journalists played a very important role in profiling Nikola Tesla's professional path.

Aware of their media influence, Tesla was especially careful about his public appearance. Through many years of work and systematic appearances in print media, he built an enviable scientific reputation, recognized and accepted by the public and the profession. Having in mind print media influence he carefully chose the words that will remain forever noted. Tesla's financiers followed the press reports about him and often reacted accordingly if there was an indication of his potential failure in the text. He knew that news in the newspapers spread quickly and that his reputation in the public and in the eyes of the financiers

depends on it. That is why he formed a special tactics in dealing with journalists. He did not reveal his ideas to the public until the moment when he himself firmly believed in success.

In Tesla's archive preserved in the Nikola Tesla Museum in Belgrade, there are over a thousand documents of correspondence with various editors, journalists and publishers (*Electrical Engineer, Electro-Therapeutic Society, Electrical Review, Electrical World, The Century Magazine, Chicago Tribune, Cosmopolitan, Commercial Tribune, Cpncku Tampuoma, Scientific American...*). He considered this correspondence as important as correspondence with business partners and categorized it in the same way. Within the searchable index of correspondents in the Museum it is not possible to determine the exact number of letters he commute with journalists because some letters are registered under a personal name, and some under the name of a newspaper.

Nevertheless this correspondence as well as the published texts about Nikola Tesla's life and work, preserved in the Museum's Press clipping collection, indicate the remarkable and a historically significant database that further illuminates the thoughts and deeds of the great Serbian genius*. ■

* Published without editorial amendment (*eds*).

Ивана ЧИРИЧ

Музей Николы Теслы (Белград)

Никола Тесла — от европейского эмигранта до американского изобретателя: вклад серба из Лики в мировую цивилизацию в зеркале прессы

В первой части доклада я рассмотрю сербское происхождение и молодые годы знаменитого ученого из Смиляна. Речь пойдет об учебе в Карловаце, Граце, Праге, первую работу в Будапеште, особое внимание будет уделено открытию принципа создания вращающегося магнитного поля с помощью переменных токов, а затем работу в Париже и Страсбурге, пока Тесла не отправился в землю обетованную — США. Далее речь пойдет о золотом периоде в жизни и творчестве Николы Теслы. От знакомства и совместного бизнеса с промышленником Ветингхаусом до побед на всемирных выставках в Чикаго, Ниагары, исследований на Лонг-Айленде и в Варденклифе. В этот период инженер общался с видными общественными фигурами и вращался в кругах высшего общества. Я расскажу о его знаменитых лекциях и наградах и иных формах признания он получил, представлю достижения, взлеты и падения, как о них говорилось в печатных СМИ того времени, тем более что газеты и журналисты сыграли важную роль в формировании профессионального пути Николы Теслы.

Прекрасно сознавая влияние средств массовой информации, Тесла особо заботился о своем имидже. Благодаря многолетней работе с прессой и систематическим упоминаниям в печатных СМИ он заслужил завидную научную репутацию как обществе, так и в профессиональных кругах. Памятуя о влиянии журналистов, он тщательно работал над своими публичными выступлениями, поскольку понимал, что они войдут в историю. Его финансисты внимательно следили за сообщениями в газетах и немедленно реагировали на сообщения или даже намеки о его возможных неудачах.

Тесла понимал, что газетные новости распространяются быстро, и от них напрямую зависит его репутация в глазах общественного мнения и финансовых кругов. Он выработал особую тактику, как общаться с журналистами, и никогда не рассказывал о своих идеях широкой публике, пока сам не был уверен в успехе.

В архиве Теслы, хранящемся в Музее Николы Теслы в Белграде, хранится более тысячи писем с разными редакторами, журналистами и издателями (*Electrical Engineer, Electro-Therapeutic Society, Electrical Review, Electrical World, The Century Magazine, Chicago Tribune, Cosmopolitan, Commercial Tribune, Српски Патриота, Scientific American*). Этого рода корреспонденции он придавал не меньшее значение, чем переписке с деловыми партнерами. Имеющиеся инвентарные описи не позволяют пока определить точное число писем от представителей СМИ, потому что часть адресантов записаны по имени, часть — по печатному органу, в котором они работали. Тем не менее, переписка, как и опубликованные тексты о жизни и наследии Николы Теслы из фондов музея, представляют собой внушительную базу данных, которые проливают свет на личность сербского гения. ■

Научное издание

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

**«ДЕТИ РАЗНЫХ НАРОДОВ»:
МЕЖДУ МНОЖЕСТВЕННЫМИ ИДЕНТИЧНОСТЯМИ
И НАЦИОНАЛЬНЫМИ ПАНТЕОНАМИ**

Тезисы
международного «круглого стола»,
14 апреля 2022 г.

Редакторы-составители:
О.В. Хаванова, Д.Ю. Ващенко

Компьютерная верстка:
П. Н. Морозов

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН
119991, Москва, Ленинский просп., д. 32А, корп. «В»

Адрес электронной почты:
inslav@inslav.ru

Подписано в печать 30.03.2022. Формат 60×84¹/₁₆
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 2,21.
Объем 2,38 печ. л.

Заказ № 14.

Тираж 300 экз.